

- Красиво, правда? — Цинь Хэ, играя резным сахарным цветком, с улыбкой поднял его к свету. Он вырезал розу - пышную, тонкую, как настоящую. Благодаря ярко-красному цвету карамели она казалась живой. На первый взгляд даже сложно было поверить, что это не лепестки свежего цветка, а сахар.

Однако ответом ему была тишина. Цинь Хэ поднял глаза... и тут же его сердце сжалось.

Куй У, обычно суровый, но всегда смотрящий на него с мягкой теплотой, сейчас стоял, как высеченный из камня. Лицо без выражения, взгляд пристальный, тяжёлый, с какой-то пугающей глубиной. В этих глазах отражалось что-то чужое, непонятное, слишком острое. Недоверие? Потрясение? Подозрение?

По спине Цинь Хэ прошёл ледяной озноб, кожа на шее покрылась мурашками, пальцы побелели от напряжения.

Он понял.

Он... переиграл. В этом мире он просто бедный деревенский шуаньэр, выросший в простой семье. Пусть даже немного ловкий и смыслённый, но откуда у него могла быть такая техника? Он объяснил умение делать конфеты тем, что подглядывал за мастером на рынке... но вырезание таких тончайших, идеальных лепестков?

Это же ремесло, которому он учился десять лет ещё в прошлом мире, в эпоху после конца света, под руководством своего повара-наставника. В те времена из-за разрухи и нехватки ресурсов даже подарить женщине цветы было роскошью, но любовь и привязанность всё равно искали форму выражения. Тогда один из сильнейших носителей способностей захотел покорить не менее грозную женщину, и решил преподнести ей... 99 сахарных роз. Вот тогда-то и понадобились они с учителем - срочно и красиво вырезать, чтобы хоть как-то заменить настоящие.

Теперь, спустя столько лет, привычные движения снова пробудились в пальцах и выдали его. Цинь Хэ слишком увлёкся и забылся.

Надо сказать, идея тогда оказалась и впрямь отличной: сахарные розы не только были красивы, ими можно было ещё и полакомиться. Эти цветы действительно тронули сердце той женщины, и вскоре по всей базе началась настоящая мода на сахарные розы. И однажды освоив эту технику, Цинь Хэ больше никогда ее не оставлял. Даже после того, как попал в этот мир. Пусть пальцы сначала немного забыли движение, но стоило взяться за дело и всё вернулось, будто и не было перерыва.

Всю сложность этого умения, всю вложенную в него тонкость... даже человек вроде Куй У, не сведущий в подобных вещах, мог представить хоть отчасти. Подобное не под силу обычному деревенскому пареньку, тем более скромному шуаньэру. Просто так, увидев однажды, так вырезать не научишься.

Чем больше Цинь Хэ об этом думал, тем холоднее ему становилось. И в конце концов по телу прошла дрожь, и он начал заметно трястись.

— Я... я... — он хотел что-то сказать, как-то объясниться. Но губы его не слушались. Кроме короткого, беспомощного «я», больше ни звука не вырвалось наружу.

Куй У стоял перед ним с каменным лицом и плотно сжатыми губами. Суровый, чужой, холодный. Цинь Хэ вдруг ощутил, как зубы предательски стучат, а внутри будто что-то оборвалось. Волна отчаяния и безысходности подступила к самому сердцу.

Куй У, должно быть, всё понял. Понял, что он - чужая душа, дикий дух из иного мира, завладевший телом его фулана. Что он сделает? Позовёт даосского заклинателя, чтобы изгнать его? Или, может, сожжёт его заживо?

Представляя себе всё, что могут с ним сделать - все эти жестокости, пытки, изгнание, кровь в жилах Цинь Хэ застыла. Зубы застучали. Внутри всё обмякло, рухнуло. И, как разбитый горшок, он решил: будь что будет. Прятаться больше нет смысла.

— Куй У... На самом деле я не твой...

Шшх!

Внезапно сильная рука сжала его шею сзади. Мощь была такая, что казалось сейчас раздробит ему кости. Он резко оказался прижат к Куй У, вдохнув знакомый тёплый запах его тела. А затем губы. Горячие, сильные, цепкие. Они целовали жадно, грубо, не давая сказать ни слова. Не позволяя произнести ни одной правды, которую он не хотел слышать.

Мир завертелся, небо и земля поменялись местами, а в теплой постели сплелись два тела, неразделимых, как пара уток-мандаринок, отдыхающих, прижавшись друг к другу.

Когда Цинь Хэ снова открыл глаза, за окном уже светал новый день. Первое, что он увидел - глубокий, как холодный омут, взгляд Куй У. Тот смотрел долго, молча, а потом отвёл глаза и спокойно сказал:

— Что будешь есть? Я приготовлю.

Сразу после пробуждения голова у Цинь Хэ ещё была туманной, мысли путались. Казалось, он забыл что-то очень важное ... но вот что - никак не мог вспомнить.

Он нахмурился, силясь припомнить, но Куй У вдруг торопливо прервал его:

— Ты ведь любишь свинину. Я схожу, куплю пару цзиней, приготовлю тебе тушёное мясо.

Цинь Хэ сонно пробормотал:

— С самого утра есть мясо? Да и... мы ведь ещё не заработали много на продаже конфет...

Он не договорил, как внезапно его осенило. Вскочив, он воскликнул:

— Вот! Я же говорил, что что-то забыл. Вспомнил!

И как только он это сказал, лицо Куй У тут же потемнело, мрачнее некуда.

— Ах! — Цинь Хэ ахнул. — Люван-нянцзы же просила сегодня принести сладости в поместье Ли! Мы же договаривались в час Сы!

Куй У незаметно выдохнул с облегчением, лицо его вновь прояснилось. Он быстро натянул одежду и сказал:

— Ложись ещё, отдохни. Я сам отнесу, ты ведь всё приготовил ещё вчера.

Цинь Хэ, хоть и вспомнил всё, но тело у него ныло ужасно, особенно поясница, будто совсем переломлена, он её даже не чувствовал. В итоге он снова бессильно рухнул на кровать.

— Тогда, далан, ты скорее иди, — выдохнул он. — Не опаздывай, а то о нас подумают, что мы непунктуальны. Это может повлиять на заказ праздничных товаров. Поместье Ли такое большое, даже если закажут немного, это всё равно будет гораздо больше десяти цзиней. Это же большая сделка, никак нельзя упустить...

Рядом раздавался его слабый, утомлённый, но всё такой же заботливый голос, бубнящий без умолку. Куй У, слушая его, ощущал особенное спокойствие. Цинь Хэ всё ещё думает об их будущем. А значит ли это, что в будущем, которое он представляет, есть и он, Куй У?

— Сейчас иду, — глухо ответил Куй У. Он быстро оделся, аккуратно разобрал приготовленные накануне сладости, рассортировал, сложил в корзину за спину и поспешил к поместью Ли.

Пришёл он точно в назначенный час - в период Сы (9-11 утра), ни раньше ни позже. Хотя это всё же считалось немного поздно: обычно торговцы приезжали за полчаса-час до срока. Когда Люван вышла встречать, на лице у неё явно было недовольство. Изначально она хотела строго отчитать за опоздание, но, встретившись взглядом с могучим, грозным Куй У и его суровыми, холодными глазами, полными опасного блеска, все упрёки застряли у неё в гортани.

- Ты, по крайней мере, пришёл вовремя, — сухо произнесла Люван. — Вот, деньги за конфеты - всего триста семьдесят пять вэней, пересчитай.

Куй У принял медные монеты и убрал в рукав:

— Не нужно считать, я, конечно же, доверяю вам, маленькая госпожа.

Он знал, что каждый раз, когда Люван приходила за покупками, Цинь Хэ тайком отдавал ей откат. Но на этот раз, поскольку они ещё не получили деньги, ему не удалось передать ей положенное. Куй У взглянул на Люван и понял, что пора разобраться с этим.

Она же, бросив взгляд на стоящего рядом слугу, который как раз забирал сладости, подала Куй У знак глазами. Куй У сразу всё понял.

Люван спросила:

— Торговец, где вы живёте? Моя госпожа хочет заказать у вас и праздничные сладости. Надо знать ваш адрес, чтобы, когда она определится, можно было послать слугу с весточкой. Я старшая горничная, должна ухаживать за госпожой, и у меня нет времени каждый день заниматься этими делами.

Если бы это случилось вчера, Куй У ни за что бы не захотел, чтобы такая симпатичная девушка, как Люван, знала их домашний адрес - ещё начнёт навещать каждый день, болтать с Цинь Хэ. Но сегодня всё иначе. Он вспомнил вчерашний... не совсем спор, и утренние напутствия Цинь Хэ, как тот явно беспокоился об этом заказе. Сейчас он точно не может его разочаровать.

Куй У с заметной неохотой пробурчал адрес. А чтобы окончательно удержать важного клиента для Цинь Хэ, он даже протянул Люван горсть конфет в придачу. Та была поражена: не ожидала, что эта медведеподобная гора мышц умеет вести дела. У неё даже появилось ощущение неожиданной привилегированности, и это её слегка развеселило.

После визита в поместье Ли корзина за его спиной значительно полегчала - в ней осталось всего четыре цзиня конфет на продажу. Куй У был в раздумьях: с одной стороны, он беспокоился о том, что Цинь Хэ, не позавтракав, остался дома. С другой, если не распродаст всё и вернётся с товаром, это расстроит его. В итоге сам не заметив, он оказался у переулка мясников.

— О, это же Куй-далан! — воскликнул мясник Чжоу, — Чего ты у ворот крутишься, не заходишь?

Куй У взглянул на него, ничего не ответил. Он вспомнил, как вчера хотел купить мясо, а Цинь Хэ отказался. Сегодня вроде бы и обещал купить, если получится хорошо выручить за сладости... Но это он сказал вскользь, в шутку? Или всерьёз? Куй У сам теперь не знал, что думать.

Мясник Чжоу оглядел его с хитрой ухмылкой:

— Фулана-то твоего не видать... Неужто поссорились?

Он оскалится, в голосе слышались нотки ехидства, мол, вот и доигрался, хвастался тут своей счастливой семейной жизнью, а теперь, гляди, попал.

— Ладно, не хмурься так. Поссорились - не беда. Купи у меня пару цзиней баранины, как увидит мясо, сразу про всё забудет, точно говорю.

Куй У буркнул:

— Моему супругу баранина не нравится. Он свинину любит.

— Не может быть! — отмахнулся мясник. — Кто ж не любит баранину? Только те, у кого на неё денег нет. Послушай меня, Куй-далан, быть мужем в доме - это значит не жадничать.

— Я не жадный. Он сам знает, где лежат все деньги, может брать сколько хочет.

Мясник Чжоу кивнул, подытожив:

— Значит, ему просто жалко тратить. Вот и всё.

— Тогда что делать? — слегка растерянно спросил Куй У.

Мясник Чжоу с нажимом ответил:

— А ты купи свинину, но посочнее, получше кусок. Потом ещё косточку к ней добавь. Уж это точно его порадует. Знаешь, как говорят: путь к сердцу лежит через желудок.

— Ты говоришь, супруг твой сказал, что любит свинину, тогда купи два цзиня, — сказал Чжоу, — а у меня тут ещё кости свиные есть. Смотрю на твою мрачную физиономию, дам тебе в придачу четыре штуки, бесплатно.

Куй У фыркнул в ответ.

Мясник Чжоу почесал затылок и добавил:

— У меня тут ещё есть немного потрохов: свиное сердце, печень, кишки, почки - всё отдам тебе за тридцать пять вэней. Скажу прямо: только потому, что ты, видно, фулана своего рассердил,

я тебе уступаю. А так обычно ни за что бы не отдал по такой цене.

Куй У не особо жаловал внутренности, считал, что это не мясо, но, подумав, всё же решил взять. Косо взглянув на мясника, он будто что-то вспомнил, снял с плеча корзину и показал мяснику Чжоу лежащие внутри конфеты.

— Тридцать два вэня за цзинь. Скоро праздник, ты что, не купишь?

Мясник рассмеялся:

— Ну ты даёшь, парень! Уже и на мне решил подзаработать, а? Ладно уж, первый раз у тебя такой бизнес, куплю у тебя один цзинь.

Изначально Куй У хотел вернуться домой и приготовить еду для Цинь Хэ, но, вспомнив, что в корзине ещё остались непроданные конфеты, он с усилием повернул обратно и направился к улице Бэйцзяо.

Он встал на то же место, что и всегда, и, стараясь подражать Цинь Хэ, начал зазывать покупателей. Это действительно привлекло несколько человек, но как только они узнавали цену и поднимали голову, встречаясь взглядом с угрюмым, полным свирепости лицом Куй У, тут же шарахались прочь.

Прошло полчаса, но не продалось ни лян.

Куй У всё больше тревожился, думая о том, чем занят сейчас Цинь Хэ дома. В конце концов, не найдя иного выхода, он стиснул зубы и подошёл к нескольким своим старым товарищам по торговым делам. Те, узнав, что Куй У теперь торгует сладостями, купили у него по лян у каждого в знак поддержки.

Когда корзина опустела, Куй У с облегчением выдохнул и поспешил домой, не забыв по пути заглянуть к дому семьи Сян.

— Сян-дасао, — сказал он, — мой супруг сегодня себя неважно чувствует. Могли бы вы помочь приготовить еду? Плачу, как и прежде.

Сян-дасао обернулась к своей дочери. Увидев, что та лишь слегка отвернула голову, не произнеся отказа, она сразу поняла, что дочь согласна.

— Можно, — с улыбкой ответила Сян-дасао. — Только моя дочка пойдёт со мной, я не могу оставить её одну дома.

Куй У рассеянно кивнул, мысли его были совсем в другом месте.

А тем временем, после ухода Куй У, Цинь Хэ снова заснул. Его действительно вчера изрядно измотали. Проснувшись второй раз, он обнаружил, что солнце уже стоит высоко. Но Куй У всё ещё не вернулся. Живот у Цинь Хэ урчал от голода, он знал: Куй У бегаёт с самого утра, да ещё с его аппетитом, тот, наверное, совсем изголодался. Почему же до сих пор не пришёл?

Он постоял у двери, выглядывая наружу, но не увидел даже тени. Вернулся в дом, и тут воспоминания о событиях вчерашнего дня снова нахлынули, а сердце сжалось от тревоги.

То тревожился, что с заказом в доме Ли что-то случилось, то пугался другой мысли: а вдруг Куй У догадался о его тайне и пошёл звать даосского жреца, чтобы изгнать его?

От этих беспорядочных мыслей Цинь Хэ сидел в промёрзшей, нерастопленной комнате, и по спине у него стекал холодный пот.

Неизвестно, сколько времени он так просидел, терзаясь тревогами, когда вдруг послышался скрип деревянной двери. Цинь Хэ дёрнулся, словно напуганный кот, мгновенно вскочил с кровати и весь напряжённый, с колотящимся сердцем, бросился к выходу.

<http://bllate.org/book/13598/1205833>